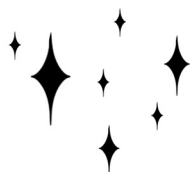

ВИКТОРИЯ
ШВАБ

НЕЗРИМЯ ЖИЗНЬ
АДДИ ЛАРЮ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
ШЗЗ

Victoria Schwab
THE INVISIBLE LIFE OF ADDIE LA RUE

Copyright © 2020 by Victoria Schwab

Художественное оформление *Е. Елькиной*

Шваб, Виктория.

ШЗЗ Незримая жизнь Адди Ларю / Виктория Шваб ; [перевод с английского Е. Николенко]. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с.

ISBN 978-5-04-121242-1

Франция, 1714 год. Чтобы избежать брака без любви, юная Аделин заключает сделку с тёмным богом. Тот дарует ей свободу и бессмертие, но подарок его с подвохом: отныне девушка проклята быть всеми забытой. Собственные родители не узнают её. Любой, с кем она познакомится, не вспомнит о ней, стоит Адди пропасть из вида на пару минут.

Триста лет спустя, в наши дни, Адди всё ещё жива. Она видела, как сменяются эпохи. Её образ вдохновлял музыкантов и художников, пускай позже те и не могли ответить, что за таинственная незнакомка послужила им музой. Аделин смирилась: таков единственный способ оставить в мире хоть какую-то память о ней. Но однажды в книжном магазине она встречает юношу, который произносит три заветных слова: «Я тебя помню...»

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Е. Николенко, перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-121242-1

Патриции – на вечную память.

Старые боги, может, и всемогущи, но отнюдь не добры и не милосердны. Они капризны, переменчивы, словно свет луны на воде или тени в грозу. Если ты все же хочешь их призвать, берегись: проси осмотрительно и готовься заплатить.

Запомни: какое бы несчастье тебе ни грозило, как бы ты ни отчаялась, никогда не молись богам, что отвечают после прихода темноты.

Эстель Магритт
1642–1719

29 июля 1714 Вийон-сюр-Сарт, Франция

Девушка мчится со всех ног, горячий летний воздух обжигает ей спину. Но за ней не гонится разъяренная толпа, не полыхают вслед факелы. Лишь вдали поблескивают свадебные фонари да светит красноватое солнце, чьи лучи разбиваются о линию горизонта, разливаясь по холмам. Путаясь в высокой траве, она бежит к лесу в попытке обогнать догорающий закат.

По ветру разносятся голоса, выкликая ее имя.

Аделин? Аделин? Аделин!

Ее тень падает вперед — такая длинная, что края размываются. С волос осыпаются мелкие белые цветочки и усеивают землю, ложась на нее созвездием, почти таким же, что красуется на щеках беглянки.

Семь веснушек. По одной на каждую любовь, что она познает, — так сказала Эстель, когда девушка была совсем юной.

По одной на каждую жизнь, что она проживет.

По одной на каждого бога, что станет за ней приглядывать.

Теперь они над ней насмеются, эти семь отметин. Знаки обещаний и лжи. Ей не довелось влюбиться

ВИКТОРИЯ ШВАБ

ся, никакую жизнь она не прожила, богов не повстречала, да и время уже на исходе.

Но беглянка не останавливается и не оглядывается. Не хочет видеть, какая жизнь ждет ее позади — неподвижная, точно нарисованная. Застывшая, как могильный камень.

Она просто бежит.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Боги, что отвечают после
прихода темноты

«Return» (Вернуться), Арло Мифе, 1721–1722 гг.

Ясень, мрамор.

Предоставлена музеем Орсе, Франция.

Скульптурная композиция из пяти мраморных птиц на разных стадиях взлета, установленных на узком деревянном постаменте.

Мифе был прилежным автобиографом и вел дневники, дающие представление об образе его мышления и творческом пути. Идею создания «Return» он почерпнул в статуэтке, найденной на улицах Парижа зимой 1715 года. По общему мнению, деревянная птица со сломанным крылом (повреждения устранены) была воссоздана скульптором четвертой в ряду.

Оценочная стоимость 175 000 долларов.

I

10 марта 2014
Нью-Йорк

Девушка просыпается в чьей-то постели. Она лежит совершенно неподвижно, стараясь задержать время, словно дыхание. Будто обладает властью остановить бег часов, не дать юноше, что спит рядом, проснуться, будто хочет сохранить память об их ночи одной лишь силой воли.

Разумеется, этому не бывать. Он забудет, как забывают все. Он не виноват — никто из них не виноват.

Парень еще дремлет. Его плечи медленно поднимаются и опускаются. На затылке вьются кольцами темные волосы; вдоль ребер тянется шрам.

Черты, что давно запали в память.

Его зовут Тоби.

Прошлой ночью она назвала ему свое имя — Джесс. Соврала, но только потому, что не может назвать настоящее. Это одна из мелких жестоких деталей договора — спрятанная, словно крапива среди высокой травы. Потаенные шипы предназначены жалить. Что такое человек, как не оставленные им следы? Она научилась ступать между колючками, но есть раны, которых не избежать: память, фотографии, имя.

В прошлом месяце ее звали Клэр, Зои, Мишель... Но пару ночей назад (когда она была Эль) они за-

крывали ночное кафе после одного из его концертов, и Тоби признался, что влюблен в девушку по имени Джесс — просто он ее пока не встретил.

Так что теперь ее зовут Джесс.

Тоби начинает ворочаться, тянется к ней, перекатывается, но и не думает просыпаться. Грудь ее пронзает привычная боль. Его лицо теперь всего в нескольких дюймах, губы приоткрыты, черные локоны упали на глаза, опущенные темными ресницами.

Как-то мрак ехидно заметил — в тот раз они гуляли вдоль Сены, — что у нее есть свой «типаж», намекая, мол, большинство выбранных мужчин (и даже некоторые женщины) ужасно на него похожи.

Те же темные волосы, пронизательный взгляд, точеные черты.

Как нечестно! В конце концов, она сама наделила мрак этими чертами. Придала ему форму, создала образ.

«Разве ты не помнишь, — спросила она, — те времена, когда был лишь тенью и дымом?»

«Дорогая, — ответил он своим глубоким тихим голосом, — я был самой ночью».

А сейчас — утро. Другой город, другое столетие. Сквозь занавески пробивается яркий свет, Тоби опять ворочается, выныривая из сна. И девушка по имени... Джесс снова боится дышать, воображая вариант пробуждения, в котором Тоби просыпается, видит ее и помнит.

В этой версии он улыбнется, погладит ее по щеке и скажет:

— Доброе утро.

Но ничего подобного не произойдет. Она не хочет встречать знакомый недоуменный взгляд, наблю-

НЕЗРИМАЯ ЖИЗНЬ АДДИ ЛАРЮ

дать, как юноша старается заполнить пробелы там, где должны быть воспоминания о ней, смотреть, как он берет себя в руки и изображает напускное безразличие. Она не раз видела подобное представление и знает все наизусть, поэтому соскальзывает с постели и босиком выходит в гостиную.

В зеркале прихожей ловит свое отражение и замечает то, что замечают все: семь веснушек, рассыпавшихся звездной полосой по щекам и носу. Ее личное созвездие.

Она подается вперед и обдает стекло дыханием, отчего то мутнеет. А потом кончиком пальца ведет по зеркалу, пытаясь написать свое имя.

А...д...

Но дальше не получается — буквы тают.

Ничего не выходит — как ни старается она произнести свое имя или рассказать свою историю. А она предпринимала множество попыток — карандашом, чернилами, краской, кровью.

Аделин.

Адди.

Ларю.

Бесполезно. Буквы рассыпаются или исчезают. Звуки умирают в горле.

Уронив руку, Адди отходит от зеркала и поворачивается, рассматривая гостиную. Тоби — музыкант. Признаки его творчества повсюду. К стенам прислонены инструменты. По столам раскиданы нацарапанные небрежной рукой стихи и ноты — наброски полузабытых мелодий валяются вперемешку со списками продуктов и планов на неделю. Но то тут, то там видна и другая рука: цветы, которые стали появляться на кухонном подоконнике, хотя Тоби не знает, как

завел эту привычку; книга о Рильке — он не помнит, чтобы ее покупал. Вещи остались, пусть воспоминания и не сохранились.

Тоби не торопится вставать, поэтому Адди готовит себе чай. Тоби чай не пьет, но заварка в доме имеется — в шкафу стоят жестянка листового цейлонского чая и коробка с пирамидками. Сувениры, оставшиеся после ночной поездки в супермаркет, где юноша и девушка, держась за руки, бродили по проходам, потому что не могли заснуть. Потому что Адди не хотела, чтобы эта ночь закончилась. Не готова была ее отпустить.

Она поднимает кружку и вдыхает аромат воспоминаний. Лондонский парк. Пражский дворик. Переговорная в Эдинбурге. Прошрое, шелковой простыней наброшенное на настоящее.

Сейчас — свежее нью-йоркское утро. Окна запотели от холода. Адди берет покрывало со спинки дивана и набрасывает на плечи. Один конец дивана занимает футляр для гитары, другой — кот владельца квартиры, поэтому Адди присаживается на фортепианную банкетку и дует на чай.

Кот, которого тоже зовут Тоби (как объяснил его хозяин — «чтобы меня не принимали за чудика, когда я разговариваю сам с собой»), внимательно разглядывает гостью.

Адди любопытно, помнит ли ее животное.

Руки уже согрелись. Она ставит чашку на фортепиано, открывает крышку и разминает пальцы, а затем начинает играть — как можно тише. Из спальни доносятся звуки — просыпается Тоби-человек. Каждый дюйм тела Адди — от мельчайших косточек до последней клеточки кожи — застывает от ужаса.

НЕЗРИМАЯ ЖИЗНЬ АДДИ ЛАРЮ

Впереди самое неприятное.

Адди могла уйти — *должна* была уйти. Улизнуть, пока он спал, пока утро еще было продолжением их ночи, мгновением, застывшим в ловушке из янтаря. Но теперь слишком поздно. Поэтому она закрывает глаза и играет, опустив голову, даже сквозь музыку слыша его шаги; продолжает перебирать пальцами клавиши, даже когда он подходит к проему двери. Тоби стоит и разглядывает открывшуюся перед ним мизансцену, пытается собрать воедино хронологию вчерашнего вечера, гадая, где же та сбилась. Неужели он повстречал эту девушку и привел ее домой, а сам напился до чертиков и потому ничего не помнит?

Но Адди знает — Тоби не станет прерывать ее игру, поэтому еще несколько секунд наслаждается музыкой и лишь потом заставляет себя остановиться, поднять глаза, притворяясь, что не замечает его смущения.

— Доброе утро, — радостно произносит она.

Акцент у Адди совсем легкий. Французский провинциальный говор, некогда отчетливый, стал почти неразличим.

— Э... доброе, — отвечает он, запуская руку в спутанные черные волосы.

Надо отдать ему должное, Тоби выглядит как всегда — ослепительно. Он несколько удивлен, застав в своей гостиной симпатичную девушку в одном нижнем белье, футболке с принтом любимой группы Тоби и пледе, наброшенном на плечи.

— Джесс, — подсказывает она имя, которое он никак не может вспомнить, потому что вспоминать нечего. — Я не обижусь, если ты забыл.